

ВЛАДИМИР КАРПОВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество — КАРПОВ Владимир Васильевич. 2. Звание — лейтенант. 3. Должность, часть — командир взвода пешей разведки 629 стрелкового полка 134 Вердинской стрелковой дивизии.

Представляется к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза.

4. Год рождения — 1922. 5. Национальность — русский. 6. Партийность — кандидат ВКП(б). 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — Отечественная война с 3.01.43. Калининский фронт. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — ранен 17.8.43 г. 9. С какого времени в Красной Армии — с 1939 г. 10. Каким РВК призван — горвоенкоматом гор. Ташкента. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — медалью «За отвагу» и орденом «Красная Звезда» за боевые подвиги.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

За время наступательных боев с 13.08.43 г. в Пречистенском и Духовщинском районах Смоленской области тов. Карпов неоднократно проявлял личное геройство и отвагу. За этот период более 30 раз с группой разведчиков проходил через линию обороны противника в его тылы, где, не считаясь ни с какой опасностью для жизни, наносил неоднократные удары по превосходящим силам противника.

В ночь на 19.08.43 г., когда противник в районе высоты 259,1 сосредоточил большие силы для перехода в контратаку против наступающих подразделений полка, тов. Карпов проник с группой бойцов в его расположение, где, рискуя своей жизнью, лично корректируя стрельбу, вызывал на себя артогонь и тем самым сорвал контратаку противника; благодаря его храбрости и геройству, огнем артиллерии было уничтожено более 200 немцев, сожжен один танк «тигр» и самоходная пушка «фердинанд».

В этих боях Карпов был ранен, но он не покинул поле боя, а продолжал вести неравный бой с противником.

При прорыве сильно укрепленного участка обороны противника д. Маецкое, на большаке Белый — Духовщина, тов. Карпов с тремя красноармейцами проник в деревню, где, рискуя своей жизнью, уничтожил гранатами дзот противника, расположенный на большаке, первым ворвался в траншею противника и в рукопашной схватке лично уничтожил шесть немцев, заставив «врагов» отойти от большака, чем создал возможность основным силам полка поднянуться к большаку и полностью овладеть опорным пунктом Маецкое и оттуда развивать основной удар по противнику.

15 сентября 1943 г. противник упорно оборонял д. Читавица, тов. Карпов с группой восемь человек снова проник через линию фронта и, зайдя с фланга в тыл противника, решительным ударом уничтожил более 50 немецких солдат и офицеров, захватил эту деревню, которая являлась опорным пунктом в обороне противника.

16.09.43 г. в боях за дер. Ефремово Духовщинского района тов. Карпов, действуя обходом с флангов, также проявил героизм: с группой разведчиков, зайдя в тыл обороняющемуся противнику, ворвался в деревню и уничтожил на подступах к ней 40 немцев и лично захватил 11 пленных.

Противник упорно оборонял большак Демидов. — Смоленск, тов. Карпов с группой бойцов выдвинулся вперед, пробрался в тыл к противнику, — уничтожил полностью немецкий гарнизон до 60 человек и оседлал большак, не дав противнику взорвать переправу на большаке.

Когда я — командир полка — в районе дер. Василево Духовщинского района Смоленской области оказался с маленькой группой бойцов в тяжелом положении, вследствие перехода противника превосходящими силами в контратаку, тов. Карпов, рискуя жизнью, с боем ворвался с фланга к противнику, лично из своего автомата уничтожил до 25 немцев и обеспечил как отбитие контратаки, так и захват опорного пункта в самой деревне.

За время боев тов. Карпов проявил себя подлинным бесстрашным героем, более 30 раз заходил в тыл противнику, дезорганизуя его оборону, уничтожил со своей группой храбрецов более 350 немецких солдат и офицеров, взял 35 пленных, показал себя преданным защитником Родины.

За проявленное неоднократно личное героизм в боях с немецкими оккупантами тов. Карпов достоин представления к высшей государственной награде — «Герой Советского Союза».

Командир 629 стрелкового полка
подполковник К о р т у н о в
Начальник штаба полка майор Ш к о д с к и х

21 сентября 1943 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4.6.1944 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 20, лл. 331—332.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ВОЕННЫХ ЛЕТ

1

Эти воспоминания придется начать с того, что я не знал о грянувшей войне. В наши дни может показаться странным — как такое оглушительное, потрясшее весь мир событие могло пройти мимо какого-нибудь человека? И все же это так. Я не знал о начавшейся войне ни 22 июня 1941, ни через неделю, ни через месяц. Не может такое быть? Очень даже может.

В те дни я сидел в одиночной камере. Двери тюрьмы захлопнулись за мной в феврале сорок первого года. С той минуты я остался один, отрезанный от мира. Один в каменном мешке размером два с половиной метра на метр. Тюрьма подземная. В моей камере окна не было, только под потолком, скованная решеткой, уходила вверх круглая дыра диаметром с водосточную трубу — это отдушина, чтобы арестованный не задохся.

За что я угодил в это подземелье? В те годы попасть в тюрьму было очень просто. Достаточно было сказать... Впрочем, это не тема наших воспоминаний. О тех черных временах написано много, и теперь всем хорошо известно, как ни за что хватали и уничтожали людей. Это было страшное и непонятное время. Не берусь делать каких-либо обобщений. Скажу лишь о себе.

Я жил с родителями в Ташкенте. В 1939 г., после окончания средней школы, поступил в Ташкентское военное училище им. В. И. Ленина. В мае 1941 г. в училище произошел очередной выпуск лейтенантов. Но на складе остался не выданным один комплект обмундирования: шинель и гимнастерка с двумя кубарями на петлицах, новый хрустящий ремень, хромовые сапоги, чемодан и прочее «приданое» молодого командира. Это был мой комплект. Его шили для меня. Я ходил на примерки.

Меня арестовали незадолго до выпуска. И вот за что.

Однажды, готовясь к семинару, я читал брошюру о работе Ленина «Что делать?» Не хочу сейчас извлекать из всего случившегося какой-то политический «багаж». Поэтому сразу предупреждаю: никаким сознательным борцом против культа личности Сталина я не был. Просто я очень любил Ленина, и меня корбило от того, что о Ленине вспоминали всё реже. Даже в тех делах, где все было сделано Лениным, почему-то обязательно прилеплялось имя Сталина.

Вот и в тот вечер, читая брошюру, я подчеркнул в ней красным карандашом имя Ленина — оно упоминалось 60 раз, а синим карандашом — Сталина, о нем говорилось 80 раз. Затем сказал соседу, такому же курсанту, как я, он сидел за этим же столом:

— Чёрт знает что! Когда Ленин писал «Что делать?», он даже не знал, что на свете существует Сталин. Они встретились гораздо позже! Ну почему нужно заслонять Ленина Сталиным? Зачем ему приписывать то, чего он не делал?

Я показал соседу свои подсчеты в брошюре. Этого было достаточно. Меня арестовали. В 19 лет я стал «врагом народа». Первый вопрос, который мне задали на допросе, звучал так:

— Кто вам давал задание компрометировать вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина?

Серьезная формулировка для тех дней! И попробуйте на этот вопрос ответить!

Однако вернемся к воспоминаниям о войне. Через несколько месяцев меня перевели в общую камеру. Естественно, я стал спрашивать, какие новости на воле. Мой собеседник, пожилой, исхудавший человек, печально сказал:

— Дела плохи, наши войска оставили Киев.

В полной уверенности, что со мной говорит сумасшедший, я отошел от этого человека подальше. Затем я заговорил с другим, третьим. И стал замечать, что теперь уже от меня люди отходят с опаской. Они меня принимают за помешанного. И не напрасно — может ли быть человек нормальным, если у него в сознании провал, если он ни слова не знает о войне, которая полыхает над страной уже несколько месяцев?

Вот так я впервые услышал о войне. Дальнейшее развивалось по обычной для тех времен схеме. Чтоб не погибнуть в подземелье и выйти под небосвод, я «признал вину». Несправедливый суд. За столом «судьи»-следователи, которых я видел в соседних комнатах, когда меня водили на допросы. Пересылный пункт. Обледеневшие товарные вагоны. Долгий путь на север. Лагерь.

В конце 1942 г. одно из моих писем все же дошло до Михаила Ивановича Калинина. Я просил только об одном: отправьте на фронт, я военный человек, а Родина моя в опасности.

Меня освободили из лагеря с оговоркой: «Досиживать оставшийся срок после окончания войны, если во время боев не оправдает себя отважными действиями».

2

В ноябре 1942 г. в составе штрафной роты я прибыл на Калининский фронт. Штрафная рота — такое подразделение, в статуте которого прямо сказано, что штрафник должен искупить свою вину кровью. Штрафников бросали в самые жаркие места.

Как-то в ожидании наступления мы несколько дней находились в траншее на переднем крае. В одну из ночей я стоял часовым. Было очень холодно. Ледяная поземка хлестала в лицо. Лицо мое было на уровне поверхности земли, потому что я ходил по дну окопа. Снег заметал окоп, и я время от времени выбрасывал его на бруствер деревянной лопатой. Наш взвод отдыхал в блиндаже, дверью в который служила навешенная плащ-палатка. Я ходил из стороны в сторону мимо этой палатки и предвкушал: скоро выйдет смена, и я заберусь в теплую тьму блиндажа, втиснусь между горячих тел товарищей, пригреюсь и засну.

Вдруг мне показалось, что сугробы перед траншеей шевелятся. Я прикрыл ладонями глаза от летящей поземки, стал всматриваться в мрак. В клубящемся на ветру снегу я увидел плотные белые бугорки, которые медленно подбирались к нашему окопу.

Я бросился к пулемету. Зарядил его и хотел дать очередь по крадущимся немцам. Сердце у меня от волнения стучало очень гулко, руки дрожали. Целясь в гитлеровцев, я обнаружил, что их не так уж много — небольшая группа человек в пятнадцать. Поняв, что это не общее наступление, а всего лишь разведка, я решил не стрелять и подготовить фашистам сюрприз. Быстро подбежал к входу в блиндаж, разбудил товарищей. Коротко объяснил, в чем дело, и предложил:

— Давайте переловим их живыми!

Народ в штрафной роте задорный и отчаянный. Мое предложение было принято без долгих рассуждений. Ребята, пригибаясь, разошлись по траншее, приготовили оружие и сидели, не поднимая голов над бруствером. А я, чтобы не насторожить фашистов, продолжал торчать из окопа один. Когда немцы сделали последний рывок и кинулись к нашим позициям, я дал длинную очередь из «максима», а другие товарищи забросали их гранатами. Белые фигурки закувыркались по снегу. Кто-то завопил, объятый ужасом. Уцелевшие разведчики — их было четверо — кинулись наутек. Охваченный спортивным азартом, я выпрыгнул из траншеи и крикнул:

— Лови их, ребята. Бери живьем!

Проваливаясь в глубокий снег, я быстрыми скачками догнал одного из фрицев и схватил за шиворот. Он задыхался от перенапряжения после бега по глубокому снегу. Без труда я его обезоружил, вывернул руку за спину и поволок в свою траншею. Двух других притащили солдаты нашего взвода.

О ночной стычке было доложено командованию. Пленные подтвердили — все происходило именно так. Начальники стали выявлять отличившихся. В числе других чаще упоминалась фамилия красноармейца-пулеметчика Карпова — он обнаружил, он придумал захватить, он организовал и так далее. Меня и еще троих отличившихся штрафников вызвали в штаб полка, которому была придана штрафная рота. В штабе попросили рассказать о себе. Я поведал обо всем, что пережил. Упомянул и о том, что учился в военном училище, был неплохим боксером, имел перед войной звание чемпиона Средней Азии и Среднеазиатского военного округа по боксу в среднем весе.

В. В. КАРПОВ — КУРСАНТ
ТАШКЕНТСКОГО ВОЕННОГО
УЧИЛИЩА ИМ. В. И. ЛЕНИНА

Фотография, начало 1941 г.

Собрание В. В. Карпова, Ташкент

Отойдя в сторону, офицеры о чем-то совещались. Слов их я не слышал. Но видел — их что-то смущает — они пожимали плечами и разводили руками.

Позднее я узнал, в чем дело. Я и мои товарищи-штрафники очень понравились офицерам своим геройским поступком и физическими данными. Мы действительно были здоровые и лихие ребята. Нас хотели взять в полковую разведку. Но смущало положение о штрафных ротах, где прямо было сказано — «искупить кровью», а мы вышли из ночной стычки без единой царапины.

В годы культа личности честные люди оставались честными и порядочными людьми. Офицеры, желая нам помочь, всё же нашли выход. Чтобы не повредить нам, они всё оформили законно.

И вот заседает трибунал, и я опять сижу на скамье подсудимых. На сей раз это не строгое здание с решетками на окнах, а обыкновенная деревенская изба. Мы, «подсудимые», сами ее вычистили, помыли пол, натопили печь. Я сижу на лавке посередине комнаты. На меня добро смотрят из-за деревянного стола, пахнущего хлебом, председатель дивизионного трибунала, подполковник юстиции, и два народных заседателя, майоры с боевыми орденами на груди.

Государственный обвинитель, высокий майор с густыми кустистыми бровями, не обвиняет меня, а больше говорит о моих достоинствах. Я смотрю на прокурора и мне кажется — ему самому очень приятно сейчас не обвинять, а оправдывать человека.

Очень необычно сочетание таких двух слов, как «приговор» и «приятно». И тем не менее приговор просто ласкал мою пострадавшую душу: «За проявленное мужество из штрафной роты освободить досрочно».

Так я вновь стал равноправным советским гражданином и рядовым разведчиком полковой разведки.

В разведке я прослужил все время пребывания на фронте — от рядового до капитана. Был трижды ранен, но оставался в строю. Выполнял много различных заданий. Участвовал в захвате 79 «языков». Мне повезло встретить много отважных, добросердечных, веселых и отчаянных разведчиков. Многие из них погибли. Став писателем, я стремлюсь в меру сил рассказать об этих замечательных людях. Сейчас я пишу главным образом об армии мирных дней.

Много раз мне советовали написать книгу о фронтовых похождениях. Я ее напишу обязательно. Не берусь за нее только из-за недостатка времени. А пока, если хотите, почитайте фрагменты из этой будущей книги. В основе рассказов реальные события и люди. Изменены лишь некоторые фамилии, которые я не упомянул.

Взвод полковой разведки готовился к выполнению задания. У всех разведчиков были спокойные лица: предстояла обычная будничная работа — нужно поймать языка. А я волновался, мне предстояло идти в ночной поиск первый раз. Я тоже старался казаться невозмутимым, исподволь приглядывался к новым знакомым. Может, и они волнуются, но умеют скрывать свои переживания? У многих на груди поблескивали ордена «Красного Знамени» (были и другие награды, но орден «Красного Знамени» сразу притягивал мой взор, потому что к нему я всегда испытывал какое-то особое уважение).

Скажу откровенно: хотелось тоже — и поскорее! — отличиться и заслужить признание разведчиков. Уж больно хорошие они ребята.

Вот сидит сибиряк Макогонов, он обматывает чистым бинтом автомат, чтобы не выделялся на снегу, и мурлычет какую-то песенку. Рядом с Макогоновым — его постоянный собеседник и задира Саша Пролеткин, он тоже меняет испачканный бинт. Верный своим привычкам, Саша заводит с Макогоновым разговор. Все затихает и прислушиваются: Саша обязательно что-нибудь отчудит.

— Скажи, Макогонов, ты жирафа ел?

— Что я сдурел, что ли, жирафа есть?

— А я ел.

— Как же ты в Африку попал?

— Зачем в Африку? Когда Смоленск оставляли, там зверинец разбежался. Вот мы с одним дружкой и попробовали. Хотели еще бегемота попробовать.

— Уж молчал бы, — неодобрительно говорит Макогонов.

— А что?

— Под суд тебя надо за такие дела, вот что! Редких животных истреблял.

— Эх, какой быстрый! — юлит перед Макогоновым Саша. — А ты бы не истреблял?

— Я — нет.

— Вот тебя-то и надо под суд. Тогда приказ был: уничтожить всё, чтобы немцам не досталось. У жирафа шею видел? Он ни в какой вагон не помещается, и на платформу нельзя — за семафоры цеплять будет. Его и не эвакуировали поэтому.

Вот так весь день: готовятся, шутят, отдыхают. А через несколько часов, может случиться, кого-нибудь из них принесут мертвым на плащ-палатке.

С наступлением темноты мы вышли. Нас было восемь. В первой траншее разведчики курили, разговаривали со знакомыми солдатами, ждали, пока стусятся сумерки.

В. В. КАРПОВ

Фотография. Калининский фронт, 29 октября 1943 г.

Собрание В. В. Карпова, Ташкент

Я наблюдал за объектом, на который решено было идти. Это небольшая высота, на ней пулемет. Мы должны разрезать проволоку, забраться в немецкую траншею и по ней подойти к пулемету с фланга.

Мне хотелось, чтобы это произошло побыстрее.

Наконец, стало совсем темно, после команды «пошли» я первым выскочил из окопа.

Когда отошли от своих траншей, со мной поравнялся Макогонов.

— Негоже новичку вперед лезть, — сказал он и обернулся. — Ну-ка ты, жирафник, давай в дозор с Пантелеевым.

Саша и Пантелеев пошли вперед. С этого момента и дальше, до самого возвращения, я чувствовал, все беспрекословно выполняли, что скажет Макогонов. Он был опытный разведчик, с ним люди много раз бывали в деле. В него верили.

Вообще понятие «командовать» в разведке своеобразно. Как командовать, когда вблизи противника нельзя сделать ни одного заметного движения! Здесь вместо команды — едва уловимый жест, кивок, а то и принцип «делай, как я». Командир ползет — все за ним, остановился — и все замерли.

Обычно поиск разрабатывается и продумывается до мельчайших подробностей заранее. Иногда все действия репетируются на местности, похожей на ту, где предстоит работа. Случайности, конечно, меняют ход событий, но все же продуманная канва объединяет общие усилия без лишних команд.

Люди, которые не раз ходили на задание вместе, понимают друг друга без слов. У них, как говорится, один мигнет — другой смекнет.

Сначала мы шли быстро. Останавливались только, когда ракета взмывала в небо и вспыхивала пером жар-птицы. Покачиваясь, ракета плавно спускалась к земле, заливая все вокруг зеленоватым светом. Мы, не двигаясь, лежали в снегу.

От середины нейтральной зоны продвигались ползком. Когда впереди показался кустарник, я узнал его: он примыкал к проволоке противника. Еще при наблюдении за объектом из своих окопов я намеревался использовать этот кустарник для маскировки. По нему можно было подползти к проволочному заграждению.

Я показал Макогонову рукой в направлении кустарника. Но Макогонов отрицательно помотал головой. Макогонов приблизился ко мне и без голоса, одним дыханием прошептал на ухо:

— Хрустеть будет.

Затем он кистью руки вильнул перед моими глазами, как делают, когда изображают рыбу, и я сразу понял: нужно, обтекая кустарник, ползти опухлой его, он нас скроет от наблюдателей и приведет к проволоке.

Я кивнул и пополз за Макогоновым.

Проволоку резали два разведчика: один, лежа на спине, перекусывал ее бесшумными ножницами, другой отводил концы. Резали только нижние нити: до верхних тянуться опасно, да они нам и не мешают.

Сердце у меня гулко стучало, по спине пробегал холодок. Враг был рядом. Боязно было дышать, казалось — услышат. Когда проход был готов и подошла моя очередь ползти под проволоку, я весь будто превратился в сплошное сердце: кровь во всем теле прилиwała и отливала горячими волнами.

В немецкую траншею мы спустились вшестером. Двое остались охранять и расширять проход — на тот случай, если нам придется спешно отходить.

Траншеи роятся извилистые. В том изгибе, куда мы спустились, никого не было. Мы заглянули за ближние повороты — справа и слева. Пусто. По намеченному плану двинулись вверх, к пулемету. По стенке траншеи тянулся прикрепленный скобками кабель. Я показал на него Макогонову. Тот кивнул: «Резь». Я достал нож и стал резать провод. Он оказался крепким и не поддавался. И вдруг, когда я возился с проводом, из-за поворота вышли два гитлеровца. Это было настолько неожиданно, что мы оцепенели. Немцы подошли спокойно, и передний о чем-то стал спрашивать. Они были в белых маскировочных костюмах, мы — тоже. Очевидно, нас приняли за своих связистов.

И вот тут короткая очередь треснула у меня над ухом. В первое мгновение я даже не понял, кто стреляет. Затем увидел, как ближний ко мне немец повалился на спину, а второй бросился бежать. Стрелял, как выяснилось потом, Пантелеев: у парня просто не выдержали нервы.

Я перепрыгнул через убитого и кинулся за убежавшим. Настиг его. Схватил за плечи. Попытался свалить. Но сильный удар отбросил меня назад. Немец побежал дальше. С налету я прыгнул ему на плечи, но он ловко вывернулся и ударил меня кулаком в лицо. Я упал. В этот момент, — видно, только опомнясь, — немец закричал.

Все наши стремления сводились к тому, чтобы действовать тихо. И вдруг этот отчаянный крик о помощи. Он настолько был для нас страшен, что я, забыв обо всем, выхватил нож и в два прыжка настиг гитлеровца. Единственным стремлением, которое руководило мной, было — побыстрее прекратить разоблачающий нас вопль.

Ко мне подбежали разведчики. Немец лежал на дне траншеи. «Языка» не было. Мы напряженно вслушивались, не бежит ли кто на зов.

И тут-то по стенке траншеи застучали пули; все мы прижались к противоположной стороне. Стреляли рядом, но звуки выстрелов были глу-

«НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ»

Дружеский шарж на В. В. Карпова

«Фронтальная иллюстрация», 1944 г., № 22, октябрь

79 „языков“ привёл отважный разведчик—Герой Советского Союза капитан В. Карпов. До войны он был спортсменом-боксером.

НОВАЯ
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Он, как спортсмен,
известен нам,
К спортивным он привык
победам.
А нынче—спец по
„языкам“,
Слывет у нас
„языковедом“!

хне. Я выглянул за поворот и всё понял. Там виднелись лесенка и дверь блиндажа. Немцы стреляли из автоматов через закрытую дверь. Они услышали крик и возню в траншее и пытались огнем расчистить себе выход.

Макогонов бросил под дверь гранату. Грохнул взрыв, дверь сорвало. Перед нами открылся тускло освещенный блиндаж. Я метнул в него гранату. После разрыва свет в блиндаже погас, и раздались крики и стоны. Макогонов бросил еще одну гранату. Крики в блиндаже смолкли. Из черного проема двери выходил дымок.

Нужно лезть в блиндаж и тащить оттуда «языка». Но там могут стоять наготове уцелевшие автоматчики, и как только покажешься в дверном проеме, они просят очередями. Что делать?

Решение возникает мгновенно. Я бросаю в блиндаж еще одну гранату, но не выдергиваю из нее кольца. Вслед за гранатой вбегаю в блиндаж и отскакиваю вбок от двери.

Расчет прост: если кто-нибудь уцелел, он при падении гранаты обязательно ляжет и инстинктивно прикроет голову. О том, что граната не разорвется, знаю только я.

Одной секунды хватило, чтобы вскочить в блиндаж незамеченным. В блиндаже было темно. Я стоял, прижимаясь спиной к стене, и держал автомат наготове. Пахло гарью взрыва. Было слышно тяжелое дыхание немцев. Осторожно сделал первый шаг и сразу наткнулся на лежащего фрица. Невольно отпрянул. Потом присел и стал ощупывать лежащего. Он не подавал признаков жизни. Я двинулся вперед на четвереньках, ощу-

пывая дорогу руками. Блиндаж оказался небольшой, наверное — на отделение. Натолкнулся в темноте еще на четверых, все они были ранены, оглушены взрывом. В «языки» явно не годились. Впереди я все время слышал дыхание. Немец дышал тяжело и шумно, будто после бега, — он же не подозревал, что в блиндаже русский разведчик. Убедившись, что, кроме этого немца, в блиндаже нет никого способного к сопротивлению, я включил карманный фонарик и направил свет в испуганные глаза гитлеровца, чтобы ослепить его. Затем обвел лучом блиндаж. Все лежали неподвижно.

Я шагнул к немцу, а он стал пятиться от меня в свой угол. Следов крови на нем не было. Значит, не ранен — это то, что нам нужно. Я взял его за ворот и встряхнул, чтоб тверже стоял на ногах. Ноги у него от страха подгибались, как резиновые.

В блиндаж заглянул Макогонов.

— Ну как? — спросил он.

— Есть, — ответил я и подтянул «языка» к двери.

Немец был потрясен и подавлен, он не сопротивлялся, покорно принял клыч и дал связать руки. Он не сводил с меня расширенных от ужаса глаз. Вид у меня действительно был устрашающий. Белый костюм окрасился кровью: ведь я ползал в блиндаже между израненных, еще теплых тел.

Разведчики взяли документы убитых. Дело было сделано, тронулись в обратный путь. Благополучно достигли прохода в проволочном заграждении. Нас никто не преследовал. Отделение, которое оборонялось на этой высоте, было полностью уничтожено, а соседи, вероятно, не обратили внимания на несколько глухих взрывов — приняли за минометный обстрел — взрыв на войне звук обыденный. Да и произошло все это в 10—15 минут, — рассказывать долго, а там действия совершались с молниеносной быстротой.

Пленного привели в штаб, сдали его и захваченные документы. На этом наша работа кончилась. Мы направились в свой блиндаж. Разведчики, не ходившие на задание, встретили нас с радостным возбуждением. Нам подставляли котелки с горячим борщом и фронтовые «сто грамм».

Саша Пролеткин, как обычно, пытался втянуть Макогонова в какую-нибудь хохму, а сибиряк добродушно отмахивался от него. Потом Макогонов подошел ко мне, крепко хлопнул меня по спине и весело сказал, обращаясь к разведчикам:

— А парень ничего. Подходящий!

Всего я выполнил несколько сот разведывательных заданий, много раз ходил в тыл врага. В 1943 г. первый раз был представлен к высшей награде — званию Героя Советского Союза. Но материал вскоре вернули. На первой странице нашему командиру красным карандашом крупными буквами было написано: «Вы думаете, кого представляете?»

Да, нелегко было жить с клеймом «врага народа» даже на «воле».

В 1944 г. в одном из номеров «Фронтовой иллюстрации» рассказывалось о лучших мастерах Советской Армии, удостоенных звания Героя Советского Союза — здесь были летчик-истребитель Покрышкин, снайпер Григорьев, танкист Калинин, связист Ярославцев. Среди них был и я как разведчик.

Писать стремился еще до войны. Любовь к литературе помогла мне преодолеть невероятные трудности, которых жизнь расставила на моем пути очень много. Я всегда жил с убеждением — пережитое это мой клад, мой «золотой запас». Видимо, всемкладам суждено некоторое время пребывать под спудом. Так и мои наблюдения всё некогда было применить. С 1948 по 1954 г. — учеба в Литературном институте им. Горького и служ-

ба в Советской Армии. После войны тоже не искал легких дорог — выбирал, где поинтересней, — 10 лет служил на Памире и в Кара-Кумах. Служба поглощала все время — вышло всего четыре небольших книги. Только теперь, уйдя в 1965 г. «на покой», я замахваюсь на более серьезные писания.

В 1956 г. Верховный суд СССР пересмотрел мое «дело» и полностью меня реабилитировал. Через 15 лет, благодаря тому, что были восстановлены ленинские принципы и нормы жизни, — справедливость восторжествовала. Все эти годы я тоже не сидел сложа руки и старался делом доказать свою преданность Родине.

При освобождении из лагеря заключенных произошел такой короткий разговор. Краснолицый и очень, видимо, недалекий «чин», выписывая мне документы об освобождении, мрачно сказал:

— Зря таких выпускают. Все одно к немцу убежишь!

Меня так и подмывало сказать ему в ответ что-нибудь очень едкое. Но я сдержался. Научен горьким опытом. Здесь такие, как он, были неограниченные хозяева — ни за что могли «пришить дело» и дать новый срок.

Получив на руки справки и упрятав их поглубже в карман, я все же сказал:

— Напрасно вы так плохо думаете о людях. Я еще орден заслужу, а жив останусь — так и не один!

Сегодня могу с удовлетворением сказать — я сдержал слово — и получил не один орден, а все боевые правительственные награды, которые существовали в момент того разговора с охранником. Все — начиная от медали «За боевые заслуги», кончая «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Прошел путь от рядового-штрафника до гвардии полковника. И 20 лет ношу самое высокое звание на земле — звание коммуниста.

1965

ПОСЛЕВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Справка

В 1947 г. В. В. Карпов окончил военную академию им. М. В. Фрунзе. Несколько лет работал в Генеральном Штабе Советской Армии. В период работы в Москве, в 1948 г. поступил и в 1954 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

После окончания института, желая быть ближе к солдатам и офицерам, которые служат в частях, перешел на строевую работу. Командовал полком на Памире, в Кара-Кумах, служил в Кашке.

Пишет на военные темы. Печатался в журналах: «Советский воин», «Коммунист вооруженных сил», «Старшина-сержант», «Военный вестник», «Звезда Востока», а также во многих газетах.

В 1949 г. написал пьесу «Маяк на востоке». По сценарию В. Карпова в 1952 г. снят фильм «О. Р. Д.» на Свердловской киностудии. В 1960 г. Воениздат выпустил книгу В. Карпова «24 часа из жизни разведчика». Рассказы и очерки включались во многие сборники («Богатые судьбы», «Первое знакомство», «Мы — туркестанцы» и др.).

Главное содержание творчества В. Карпова — жизнь современной армии. Обладая большим жизненным и боевым опытом, он хорошо знает людей, о которых пишет.

В 1962 г. Военное издательство опубликовало сборник рассказов и очерков В. Карпова «Полковые маяки», который получил высокую оценку критики и читателей. В 1962 г. на открытом конкурсе журнала «Советский воин» рассказ В. Карпова «Новенький» получил третью премию.

Повести: «Командиры седеют рано...», «Первая победа», «Двое в песках», «1001 день» рассказывают о трудном, увлекательном и благородном деле воспитания нового советского человека в условиях современной армии.